

Глава 3

Сквозь щель в тёмных шторах пробивался луч рассвета. Термостат бесшумно работал, смешивая наполненный страстью аромат роз с прохладой кондиционированного воздуха.

Чжун Цин с трудом вырвался из сна.

С тех пор как три года назад он был ранен, его тело походило на изношенный механизм. Каждое пробуждение давалось с таким трудом, будто он вот-вот сломается.

Не успел он встать, как сильные руки обняли его сзади за талию, а у шеи раздался ленивый, полный удовлетворения голос:

— Милый, поспи ещё немного.

Чжун Цин несколько секунд неподвижно лежал в тёплых объятиях, а затем, без малейшего сожаления, похлопал по руке, лежавшей у него на поясе, и с мягким, но настойчивым протестом сказал:

— Маршал, я опоздаю.

— Мы же договорились, что ты сегодня возьмёшь отгул. Обманываешь?

Чжун Цин повернулся, встретившись взглядом с улыбающимися глазами.

Он смотрел на это лицо уже три года, но каждый раз на мгновение замирал.

Семья Янь из-за смешанных браков к этому поколению уже не была чисто восточного происхождения. Черты лица Янь Цзи всё ещё сохраняли восточную утончённость, были безупречно красивы и ясны, но цвет его волос и глаз был не чисто чёрным, а янтарным, с золотистыми искрами, которые ярко сияли в лучах утреннего солнца.

Положа руку на сердце, брак с ним не был проигрышным вариантом, ни с какой стороны.

— Сегодня важное совещание, я не могу его пропустить, — с улыбкой пояснил Чжун Цин. — А если бы я не обманул, разве маршал получил бы такое удовольствие?

Он прекрасно знал, как им управлять. Янь Цзи не удержался, притянул его к себе и крепко поцеловал в лоб, только после этого отпустив.

Позавтракав с любовью приготовленным завтраком от самого великого маршала Янь Цзи,

Чжун Цин под его томным, прощальным взглядом сел в машину и уехал.

Сахарная пуля не отняла у него жизнь, но полностью разрушила его здоровье.

С его нынешней физической формой, когда он мог упасть в обморок после нескольких шагов, о службе в армии не могло быть и речи. Но его роль не позволяла ему сидеть без дела, поэтому он выбрал меньшее из зол и стал профессором военной истории в академии.

Впрочем, это была лишь его официальная должность.

Чжун Цин миновал несколько учебных корпусов и вошёл в здание научно-исследовательского института. Хотя этот институт и находился на территории Военной академии Альянса, он не подчинялся её руководству, а находился в ведении секретного отдела Военного ведомства.

Первый этаж института был отведён под открытый для всех выставочный зал и ничем не отличался от обычных научных центров при любом университете. Но если бы кто-то осмелился проникнуть на второй этаж, он бы обнаружил, что вооружение охраны здесь было далеко не университетского уровня.

Пройдя через многочисленные посты контроля, Чжун Цин предстал перед доктором Расселом.

Тот стоял перед огромным экраном, не отрывая от него взгляда, и лишь когда Чжун Цин подошёл совсем близко, оторвался от созерцания.

— У Ноя были какие-нибудь необычные действия в последнее время?

Ной — это кодовое имя Янь Цзи в институте.

— Нет. Он почти всегда проводит отпуск дома, редко куда-то выходит. В этот раз всё так же.

— Хорошо. Можешь забрать свои лекарства. И не забудь написать отчёт.

Чжун Цин внешне покорно кивнул, но мысленно проклял этого старого ублюдка до восемнадцатого колена.

Этот старик всегда смотрел на него как на спасителя мира.

Когда он был ранен, врачи сделали всё возможное, чтобы удалить большую часть осколков из его тела. Две недели они не отходили от него, их глаза покраснели от бессонницы. Но множество микрочастиц попало в кровоток, и удалить их было невозможно.

Чжун Цин должен был умереть, но институт, ради него, с огромными затратами разработал блокатор, который поддерживал нормальное кровообращение и ослаблял воздействие радиоактивных элементов на его организм.

С тех пор институт использовал блокатор как лучшее средство шантажа, превратив Чжун Цина в острый клинок, занесённый над Янь Цзи.

Так рассчитать всё и ещё ожидать от него благодарности — Система была права, это действительно проклятое место.

Попрощавшись с доктором Расселом, Чжун Цин направился в одну из лабораторий.

Услышав звон стеклянных пробирок, он невольно нахмурился.

Большинство жертв сахарной пули кончали жизнь самоубийством, не выдержав боли. Чжун Цин, хоть и не думал о смерти, всё же получил психологическую травму.

Он стал бояться звона стекла. А в лаборатории больше всего было именно стеклянной посуды. В первый раз, войдя сюда, он чуть не потерял сознание.

Молочно-белые туманности за иллюминатором, внезапно взорвавшийся защитный экран, звук пули, входящей в тело, звук разбивающегося в теле стекла... Подавленные воспоминания, как и те осколки, что застряли в его венах, впились в его нервы, то и дело напоминая о себе и причиняя боль.

Каждый раз, когда его заставляли вспоминать, желание уничтожить институт становилось всё сильнее.

В лаборатории все были заняты. Уставившись в экраны, они не удостоили его даже взглядом. Их работа была разнообразна: от медицинских исследований до инженерного проектирования — всё, что было необходимо для борьбы с Ноем седьмого поколения.

Экран был разделён на десятки маленьких окон, в которых сменяли друг друга спутниковые снимки.

На фотографиях ровными рядами стояли стальные блоки, похожие на надгробия.

Кроме стальных блоков, были и мужчины и женщины, внешне почти неотличимые от людей. Все они спали с закрытыми глазами, и у всех были одинаковые лица.

Это была спящая армия роботов на Земле.

Сначала они создали лишь неотличимых от настоящих роботов-кошек, а затем шаг за шагом — биороботов, способных проникать в человеческое общество и маскироваться. У этих биороботов была кровь и плоть, и единственное, что отличало их от людей, — это электронный кардиостимулятор в сердце и тонкий чип в мозговом центре.

Весь процесс эволюции был условно разделён на семь поколений. После седьмого поколения человечество покинуло лунную базу, и дальнейшая эволюция роботов уже не могла повлиять на людей, находящихся за миллионы световых лет.

Преыдушие шесть поколений нанесли человечеству огромный урон. Люди ожидали, что борьба с седьмым поколением потребует от них беспрецедентных жертв, но до самого отлёта с Луны они так и не нашли убедительных доказательств его существования. Однако седьмое поколение определённо существовало. Программа роботов не лгала, и программа его разработки не была прервана, а значит, он был создан.

Наиболее вероятное предположение заключалось в том, что седьмое поколение обладало технологией маскировки, до сих пор не поддающейся расшифровке, что позволило ему пройти все проверки и вместе с кораблями, покинувшими Луну, прибыть в нынешний Альянс.

Институт был твёрдо уверен, что Янь Цзи и есть седьмое поколение. Даже то, что Чжун Цин, находясь рядом с ним три года, не нашёл никаких доказательств, нисколько не поколебало их подозрений.

Чжун Цин подошёл к своему рабочему месту в углу.

Время от времени ему приходилось приходить сюда и составлять отчёт о наблюдении за Ноем. Это была кропотливая работа: от него требовали описывать всё в мельчайших деталях, ничего не утаивая.

В этом отчёте ни у него, ни у Ноя не было личной жизни.

Периодически к нему подходили люди с измерительными приборами. Чжун Цин откладывал ручку и позволял им делать свою работу, наблюдая за тем, как на экране появляются ряды цифр.

— Физические показатели за прошлый период в норме, — глухо произнёс человек в защитном костюме. — Нужно ли мне что-то скорректировать на следующем этапе?

Чжун Цин знал, что речь идёт о последующей дозировке ингибиторов.

После ранения его физическое состояние ухудшилось настолько, что он не мог использовать ни один из имеющихся на рынке ингибиторов. Даже специально разработанный для него институтом препарат требовал постоянного приёма поддерживающих лекарств.

Малейшая ошибка — и он умрёт либо от передозировки, либо от собственных феромонов.

— Ной скоро заканчивает отпуск. Провожая его, я вряд ли смогу сохранить спокойствие, — подумав, сказал Чжун Цин. — Пока оставьте всё как есть.

Исследователь кивнул.

— Я сбалансирую дозу. Одна доза блокатора, одна — ингибитора. Вы уверены, что обезболивающее не нужно? — Увидев, что Чжун Цин отрицательно покачал головой, он протянул ему лист бумаги. — Подпишите.

Чжун Цин вывел ручкой: «Летящая птица».

Это был его позывной.

С тех пор как доктор Рассел внёс эти два слова в систему спецагентов, здесь существовала только «Летящая птица». Человек по имени Чжун Цин был таким же объектом наблюдения, как и Ной.

После ухода исследователя Чжун Цин продолжил писать отчёт. Инъекция постепенно начинала действовать, и в глубине тела появилась слабая, колющая боль, словно от уколов иголок.

Порт походил на гигантское чёрное металлическое чудовище, которое своей стальной пастью поглощало и извергало бесчисленные сияющие звездолёты. У причалов стояло множество небольших гражданских летательных аппаратов, из которых люди, открыв защитные экраны, торговали всякой мелочью.

Кроме нескольких портов, у этой планеты почти не было других источников дохода, поэтому шестьдесят процентов её населения проживало вблизи этих портов.

Сегодня число патрульных увеличилось вдвое, а количество пропускаемых кораблей сократилось почти на треть. Торговцы сразу почувствовали, что грядёт визит важной персоны.

Проскользнул ещё один звездолёт.

После него в течение почти десяти минут не было пропущено ни одного корабля. Лишь когда на горизонте появилась маленькая чёрная точка, командир патруля наконец вздохнул с облегчением.

— Что-то не похоже на звездолёт, скорее на летательный аппарат, — сказал один из зевак, вытягивая шею.

Не успел он договорить, как вскрикнул:

— И правда, летательный аппарат! Как он может лететь с такой скоростью?!

Кто-то дёрнул его за рукав, шикнув:

— Ты что, не видишь? Он переделан из боевого корабля!

За время этого короткого разговора летательный аппарат уже завершил стыковку с портом. Острый нос, вертикальный хвост — действительно, черты боевого корабля. Хотя эта планета и принадлежала военным, она была тыловой базой, и боевые корабли, которые можно было увидеть только на передовой, здесь были редкостью.

Переделанный летательный аппарат был окрашен в неприметный тёмный цвет, и лишь на боку виднелся сложный серебряный узор.

Кто-то с намётанным глазом уже узнал в нём герб одного из знатных родов.

— Герб Ланкастеров. Неужели кто-то из их маршалов ранен?

Многие уже догадались, кто это. В их глазах зажглись весёлые искорки.

— О ранении не слышал, а вот о победе — да. Победе, которую одерживали целых три года!

Толпа ахнула в изумлении.

— А, это маршал Андре...

Тёмный летательный аппарат, не задерживаясь, под восторженные крики устремился вдаль.

В тот самый момент, как этот аппарат состыковался с портом, в голове Чжун Цина раздался пронзительный сигнал тревоги.

Чжун Цин, дремавший после приёма лекарств, с трудом сел. Прошло некоторое время, прежде чем он окончательно проснулся. Тело ломило от побочных эффектов, и даже во сне его преследовали.

Он отключил системное оповещение.

Эту систему он настроил десять лет назад для отслеживания обоих главных героев: как только кто-то из них оказывался поблизости, она автоматически срабатывала.

После свадьбы с Янь Цзи оповещения стали слишком частыми, и Чжун Цин её отключил. А теперь она снова сработала...

«Андре прилетел?» — предположил он.

«Он самый», — буркнула Система.

С тех пор как в брачную ночь Чжун Цин пошёл на попятную, Система вела себя как умирающий лебедь.

Чжун Цин не обратил на неё внимания и снова лёг спать.

Хотя Андре тоже был объектом его задания, Чжун Цин никогда не рассматривал его в качестве цели.

К этому человеку было просто не подступиться.

За семь лет, что он был ассистентом инструктора для Андре Ланкастера в академии, они не обменялись ни единым словом, не касающимся учёбы.

Янь Цзи с самого начала проявлял к нему интерес, постоянно увиваясь за ним вместе с двумя своими соседями по комнате. Андре тоже был соседом Янь Цзи, его лучшим другом, они с детства всё делали вместе, но в этом деле он никогда не участвовал.

Иногда Чжун Цину даже казалось, что Андре намеренно его избегает.

Это был крепкий орешек. Лучше продолжать искать подход к Янь Цзи.

Тёмный летательный аппарат на огромной скорости пронёсся над безлюдными лесами, над городами из стали и бетона и, наконец, замедлил ход перед тихим, просторным парком.

— Маршал, это резиденция, которую вам выделило командование. Большинство офицеров, находящихся здесь на реабилитации или на постоянной службе, живут по соседству.

Вице-маршал за штурвалом, глядя через иллюминатор на ряды одинаковых вилл, с улыбкой заметил:

— Дома красивые, жаль только, что все на одно лицо.

Андре Ланкастер наконец оторвал взгляд от экрана.

Он бесстрастно смотрел на проплывающие за окном одинаковые белые здания, казалось, совершенно не интересуясь своим будущим жилищем.

Но когда в поле зрения попал дом, увитый плющом, он нажал на тормоз, и летательный аппарат мгновенно остановился.

Вице-маршал, которого отбросило на спинку кресла, не успел даже потерять ушибленную ремнём безопасности грудь, как тут же проследил за взглядом маршала.

Это был дом, утопающий в цветах.

Во дворе росли пышные кусты апельсинового цвета и оленьей травы, у небольшого пруда были высажены белые нарциссы, а у ворот раскинулась виноградная лоза. Виноград ещё не созрел, и по одной из опор спускались вниз большие плети клематиса.

Розовые лианы почти полностью скрывали дом. Они спускались с крыши, словно огненный водопад, пышные и густые, их лепестки, купаясь в лучах солнца, приобретали карамельный оттенок.

Казалось, даже сквозь защитный экран можно было почувствовать их пьянящий аромат.

Вице-маршал понимающе кивнул.

— Этот дом принадлежит маршалу Янь Цзи, он славится своей красотой на весь округ, — сказал он и, помедлив, добавил: — Его супруг — профессор Военной академии Альянса, я однажды его видел.

Погрузившись в воспоминания, вице-маршал застыл с отсутствующим выражением лица.

— Я никогда не видел омеги прекраснее, чем он.